

Путешествие Гая Октавия в Испанию не обошлось без приключений – произошло кораблекрушение, но он все же продолжил путь⁷⁷⁶. Его прибытие в Тарракону было встречено римлянами и испанцами с восторженным удивлением, что он «смог приехать при столь тревожной военной обстановке». Цезаря Гай Октавий, претерпев в дороге большие трудности и опасности, догнал в начале лета близ города Калпии в Иберии⁷⁷⁷. Неожиданно увидев выздоровевшего юношу, Цезарь обрадовался и горячо приветствовал его, обнял как сына. Похвалив за усердие и поспешность, что «он прибыл первым из всех, выехавших за Цезарем из столицы», Цезарь начал расспрашивать его в подробностях о трудностях, которые пришлось пережить в пути. Внимательно наблюдая за внучатым племянником, «увидев его остроумие и сметливость, краткость его речи, в которой давались самые точные ответы на поставленные вопросы, он полюбил и оценил его ещё больше»⁷⁷⁸. Он, никуда не отпуская, держал его при себе⁷⁷⁹. «В беседах с ним Цезарь старался затронуть много важных вопросов, испытывая его сообразительность»⁷⁸⁰. В курс предстоявших задач Гая Октавия, полагая, что юноше, несмотря на все трудности, удастся с ними справиться, Цезарь начал вводить постепенно...

В июне Марк Брут вернулся из Цисальпийской Галлии. 9 числа он уже был в своей усадьбе под Тускулом и уже на следующий день посетил своего соседа – Цицерона⁷⁸¹. Через неделю стало известно, что Брут разводится со своей женой Клавдией, дочерью Аппия Клавдия Пульхра, и... (!) собирается жениться на своей вдовствующей двоюродной сестре Порции – **дочери Катона Утического**⁷⁸². Считается, что подобным образом Брут хотел защитить дочь Катона, но... если бы ей со стороны Цезаря что-либо угрожало в связи с ее отцом, то это уже давно должно было бы проявиться, так как после смерти знаменитого республиканца в Африке прошло больше года и Цезарь, напомним, тогда в Утике сразу же даровал прощение сыну

⁷⁷⁶ Suet. Aug. 8.

⁷⁷⁷ Nic. Dam. Aug. 23.

⁷⁷⁸ Nic. Dam. Aug. 24.

⁷⁷⁹ Nic. Dam. Aug. 24. Цезарь «никогда не давал ему [Октавию] ни пользоваться другим гостеприимством, кроме своего, ни передвигаться в другой повозке» (Vell. II. 59. 3).

⁷⁸⁰ Nic. Dam. Aug. 24. «При Мунде, когда божественный Юлий [Цезарь] вырубал лес на месте будущего лагеря, он увидел среди деревьев пальму и велел сохранить ее как предвестье победы; а пальма внезапно пустила побег, который за несколько дней так разросся, что не только сравнялся с материнским стволом, но и покрыл его своей тенью; и в ветвях у него появились голубиные гнезда, хотя эти птицы больше всего не любят жесткой и грубой листвы. Именно это знамение, говорят, и побудило Цезаря назначить своим преемником внука своей сестры вперед всех остальных» (Suet. Aug. 94).

⁷⁸¹ «Брут вчера приехал в тускульскую усадьбу после десяти часов. Итак, сегодня он со мной увидится, и я хотел бы, чтобы ты тогда был здесь. Со своей стороны, я велел известить его, что ты ждал его приезда, сколько мог, и приедешь, если узнаешь, и что я немедленно сообщу тебе, как я и поступаю» (Cic. Att. XIII. 7. 2. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Тускульская усадьба, 10 июня 45 г.).

⁷⁸² «Жду от тебя, если есть что-нибудь насчет Брута. Впрочем, Никий считал, что дело закончено, но что развод не находит одобрения. Потому я беспокоюсь из-за этого даже более, чем ты» (Cic. Att. XIII. 9. 2. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Тускульская усадьба, 18 июня 45 г.); «Если Брут предпримет что-нибудь, позаботишься, чтобы я знал. Именно ему, я считаю, следует действовать возможно скорее, особенно если он решил [Имеется в виду предстоящий брак Брута с Порцией]. Ведь он или прекратит, или успокоит всякие толки. Ведь некоторые заговаривают даже со мной. Но это он сам лучше всего, особенно если поговорит также с тобой» (Cic. Att. XIII. 10. 3. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Тускульская усадьба, 19-21 июня 45 г.).

Катона⁷⁸³. Таким образом, женитьба Марка Брута на Порции, хотя и была, скорее всего, представлена и воспринята, как его благородное желание защитить свою двоюродную сестру от нападок*, в действительности была призвана, на наш взгляд, обозначить претензию Марка Юния Брута на защиту республиканских идей Катона и наследование от Катона лидерства среди республиканцев...

Брут старался почаще бывать у Цицерона, подолгу беседуя с ним на разные темы⁷⁸⁴. Между делом он сообщил, что не разделяет распространенные подозрения о причастности Цезаря к убийству Марка Марцелла в Греции⁷⁸⁵. Цицерон же подумывал о том, чтобы и в своем трактате «Академики», который он уже начал редактировать в окончательном виде, сделать одним из главных героев Брута⁷⁸⁶.

В Испании, направляясь из Калпии в Новый Карфаген, Цезарь предложил внучатому племяннику с пятью рабами сесть на свой корабль. Кроме рабов, однако, Гай Октавий, хотя и боялся, что Цезарь, узнав, рассердится, взял с собой на борт его судна и трех друзей. Тот однако

⁷⁸³ App. II. 100; Caes. Afr. 89; Liv. Per. 114.

* В марте 45 г. была даже спровоцирована проблема с доставшимися в наследство Катону-сыну долгами: «В середине марта Писон, видимо, предпринял попытку взыскать с молодого Катона деньги, которые отец последнего был должен наследникам Геренния: «Что более почетное могу я ответить Писону, нежели насчет одиночества Катона? А он не только у сонаследников Геренния [«Писон, видимо, хотел взыскать с молодого Катона деньги, которые отец последнего был должен наследникам Геренния. «Одиночество» – отсутствие опекунов» – прим. 2], но также, как ты знаешь (ведь ты вел переговоры со мной), у мальчика Лукулла занял деньги, которые в Ахайе взял его опекун (ведь и это относится к делу). Но он действует благородно, так как он, по его словам, ничего не намерен делать вопреки нашему желанию. Итак, при встрече мы, как ты пишешь, решим, как нам уладить дело. Что ты виделся с остальными сонаследниками, очень хорошо» (Cic. Att. XIII. 6. 2. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Астурская усадьба, середина марта 45 г.).

⁷⁸⁴ «Но следовало постараться установить доходишки с имений, не взваливая на нашего Брута большого бремени уважения. Ведь впоследствии мы сможем с большим удобством оказывать друг другу почет в тускульской усадьбе. Но в настоящее время, когда он хотел бы видеть меня ежедневно, а я не мог бы у него бывать, он был бы лишен всякого удовольствия от тускульской усадьбы» (Cic. Att. XIII. 11. 1. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Арпинская усадьба, 23 июня 45 г.).

⁷⁸⁵ «Сегодня жду Спинтера; ведь Брут послал его ко мне. В письме он снимает с Цезаря ответственность за гибель Марцелла. На него пало бы некоторое подозрение, даже если бы тот был убит не предательски; теперь же, когда насчет Магия известно, неужели его безумие не причиной всему? Совсем не понимаю, в чем дело. Итак, ты объяснишь. Впрочем, мне не в чем сомневаться, разве только – в причине безумия Магия, за которого я даже сделался поручителем. И, несомненно, это было; ведь он не был платежеспособен. Он, я думаю, попросил чего-нибудь у Марцелла, а тот, как обычно, ответил твердо» (Cic. Att. XIII. 10. 3. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Тускульская усадьба, 19–21 июня 45 г.).

⁷⁸⁶ «То *Академическое сочинение* я целиком передал Варрону; вначале оно носило имя Катуга, Лукулла, Гортенсия; затем, ввиду того что это представлялось *неуместным*, так как людям был известен даже не тот недостаток образования, но *неискушенность* в тех вопросах, я, как только приехал в усадьбу, передал эти беседы Катону и Бруту [Вторая редакция «Академикова»: Катон введен вместо Гортенсия, Брут – вместо Лукулла.].» (Cic. Att. XIII. 16. 1. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Арпинская усадьба, 28 июня 45 г.). В окончательном виде, однако, Лукулл был оставлен главным действующим лицом.

Потом Цицерон хотел было заменить Брутом Варрона – «Тем не менее не теряю надежды снискать одобрение Варрона, и раз я понес расход на большие листы [папирусов для *Академикова*], легко допускаю, чтобы это удержалось; но – еще и еще говорю – пусть это произойдет под твоей ответственностью. Поэтому, если ты несколько сомневаешься, перейду к Бруту [т.е. участником диалога вместо Варрона будет Брут]: ведь и он последователь Антиоха. О, порхающая и подобная себе самой Академия – то сюда, то туда!» (Cic. Att. XIII. 25. 3. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Тускульская усадьба, 12 июля 45 г.). В конце концов, Цицерон отказался от этой идеи, решив, видимо, что для Брута будет достаточно и трактата «О пределах добра и зла».

остался довольным такой привязанностью к друзьям и похвалил юношу за то, что «он хочет всегда иметь при себе достойных людей, свидетелей всех его деяний, и усиленно добивается создать в отечестве добрую о себе славу»⁷⁸⁷. В Карфагене Цезарь остановился дольше, занимаясь судебными разбирательствами, рассмотрением общественных дел, выдачей наград и решением военных вопросов⁷⁸⁸. Беззащитные сагунтинцы, на которых было подано много жалоб, обратились за помощью к Гаю Октавию и тот, «поговорив откровенно и очень разумно с Цезарем, снял с них обвинения». С миром отпущенные домой сагунтинцы принялись радостно прославлять своего избавителя и называть его спасителем. После этого события многие стали искать покровительства юного Гая Октавия и «он всех их удовлетворял: одних избавлял от обвинения, другим выпрашивал подарки, иных продвигал на должности. У всех на устах были его кротость, его человеколюбие и мудрость, проявлявшиеся в его беседах. Даже сам Цезарь...»⁷⁸⁹ Подобными мерами Цезарь, полагаем, не столько прививал своему преемнику азы ведения общественных дел (хотя и не без этого), сколько проверял его способность обучаться и действовать не по годам самостоятельно на государственном поприще. Гай Октавий «не участвовал в попойках молодежи, не оставался на пирах слишком много времени, находясь там не дольше чем до вечера, не обедал раньше десятого часа, кроме как у Цезаря, Филиппа, или у женившегося на его сестре Марцелла, человека самого благородного и благоразумного среди римлян. Свою скромность, которую все считают подобающей молодому возрасту, потому что всем остальным добродетелям природа обычно предоставляет место лишь после нее, он проявлял самым ярким образом в своей деятельности на протяжении всей своей жизни. За это-то качество его так и ценил Цезарь, а не только за близкое родство, как думают некоторые»⁷⁹⁰.

В июле после долгих, возможно негодующих, обсуждений со своей тетей и будущей свекровью Сервилией, дочь Катона Порция, наконец, дала согласие на брак с Марком Брутом⁷⁹¹... В Риме было обнародовано намерение Цезаря инициировать расширение границ города⁷⁹².

⁷⁸⁷ Nic. Dam. Aug. 25.

⁷⁸⁸ Nic. Dam. Aug. 26.

⁷⁸⁹ Nic. Dam. Aug. 27.

⁷⁹⁰ Nic. Dam. Aug. 28-30.

⁷⁹¹ «Что касается нашего Брута, – очень досадно, но такова жизнь. Женщины же – едва ли достаточно добры, раз они негодуют, хотя обе послушны долгу» (Cic. Att. XIII. 22. 4. Титу Помпонию Аттику, в Рим.

Арпинская усадьба, 4 июля 45 г.).

⁷⁹² Cic. Att. XIII. 20. 1. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Арпинская усадьба, 2 или 3 июля 45 г.; «Капитон случайно заговорил об увеличении Рима – от Мульвиева моста Тибр направляется вдоль Ватиканских холмов, Марсово поле застраивается, а то Ватиканское поле становится как бы Марсовым полем. «Что ты, – говорю, – а я – на торги, чтобы купить, если удастся, сады Скапулы». «Не вздумай, – говорит, – так как **этот закон будет проведен; ведь хочет Цезарь**». Со слухом я легко мирился, но огорчаюсь тем, что это происходит. А ты что окажешь? Впрочем, к чему я спрашиваю?» (Cic. Att. XIII. 33. 4. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Тускульская усадьба, 9 июля 45 г.); «О недостойное дело! Твой единоплеменник [архитектор-афинянин] расширяет город, который он за эти два года впервые увидел, и ему показался недостаточно большим город, который мог бы вместить даже его [Цезаря]. И так жду твоего письма об этом» (Cic. Att. XIII. 35; 36. 1. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Тускульская усадьба, 13 июля 45 г.).

Распространились слухи, «будто он намерен переселиться в Александрию или в Илион и перевести туда все государственные средства, обескровив Италию воинскими наборами, а управление Римом поручив друзьям»⁷⁹³. Сам Цезарь в это время уже покинул Испанию и находился в Цисальпийской Галлии⁷⁹⁴, где «с живейшим удовольствием взирал на города, которыми управлял Брут»⁷⁹⁵. Цицерон поручил переписчикам срочно отправить ему экземпляр трактата «О пределах добра и зла» Бруту⁷⁹⁶, который начал готовиться выехать навстречу Цезарю – «ему предстоит поездка – и неожиданная и дальняя»⁷⁹⁷.

В середине июля в шествии, предваряющем цирковые представления, вслед за изображением Победы, среди изображений богов было пронесено и изображение Цезаря. Римляне с удивлением и неодобрением восприняли этот жест. Тогда же квиндецимвир (член коллегии 15, хранившей древний сборник греческих предсказаний) Луций Аврелий Котта впервые озвучил, чтобы Цезарь принял титул царя, так как в книгах Сивиллы имеется предсказание, что Парфия может быть покорена только царем⁷⁹⁸... Брут предложил Цицерону с учетом этих событий посвятить какое-нибудь сочинение Цезарю, с которым и ехать встречать его. Оратор согласился, но и насторожился⁷⁹⁹, а Брут принялся его везде расхваливать⁸⁰⁰... Рим же во всю погрузился готовиться встречать Цезаря с невиданными почестями⁸⁰¹. С конца месяца Цицерона стал регулярно посещать Деметрий из Гадары, вольноотпущенник Помпея Великого⁸⁰².

⁷⁹³ Suet. Caes. 79.

⁷⁹⁴ «Что касается приезда Цезаря, то Бальб писал мне – не раньше секстильских календ» (Cic. Att. XIII. 21. 6. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Арпинская усадьба, 30 июня или 1 июля 45 г.).

⁷⁹⁵ Plut. Brut. 6.

⁷⁹⁶ Cic. Att. XIII. 23. 2. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Тускульская усадьба, 10 июля 45 г.

⁷⁹⁷ Cic. Att. XIII. 23. 1. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Тускульская усадьба, 10 июля 45 г.

⁷⁹⁸ Cic. Att. XIII. 44. 1. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Тускульская усадьба, 20 или 21 июля 45 г. Ср.: Cic. Div. II. 110; Suet. Caes. 79.

⁷⁹⁹ «О приятное твое письмо! Впрочем, шествие противное; тем не менее знать всё – не противно, даже насчет Котты. Но народ прекрасен, раз из-за дурного соседа [изображения Цезаря среди богов] не рукоплещут даже Победе. Брут был у меня; он очень стоял за то, чтобы я кое с чем к Цезарю. Я согласился, но шествие пугает меня» (Cic. Att. XIII. 44. 1. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Тускульская усадьба, 20 или 21 июля 45 г.).

⁸⁰⁰ «[...]ежедневными и настойчивыми похвалами нашего Брута, которые, как очень многие известили меня, тот мне высказывает» (Cic. Att. XIII. 38. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Тускульская усадьба, около 4 августа 45 г.).

⁸⁰¹ «Насчет некоторого попечения о царских дарах [угощениях в честь Цезаря – впервые Цицерон прямо подразумевает его царем] я говорил с Опием. Ведь Бальба я не видел после твоего отъезда: он страдает такими болями в ногах, что не хочет посещений. Как мне кажется, ты поступил бы благоразумнее, если бы вообще не старался обо всем деле. Ведь того, чего ты хочешь достигнуть ценой этого труда, ты никак не достигнешь. Ведь приближенных такое множество, что скорее выскочит кто-нибудь из них, чем будет доступ для нового, особенно если он не принесет ничего, кроме старания, по поводу которого тот – если только он об этом будет знать – сочтет, что оказал услугу, а не принял ее. Но все же кое-что буду иметь в виду, – на что может быть надежда. Иначе, считаю я, не только не следует добиваться, но даже следует избегать. В Астуре думаю пробыть дольше, пока он4, наконец, не придет. Будь здоров» (Cic. Fam. VI. 19. 2. Квинту Лепте, в Рим. Астурская усадьба, июль 45 г.).

⁸⁰² «Тот твой Деметрий вообще никогда не был Фалерским, но теперь он вполне Беллиен. Поэтому назначаю тебя заместителем; ты будешь наблюдать за ним. «Хотя», «тем не менее», «что касается их» ... прочее ты знаешь. Однако, если у тебя будет разговор с ним, напишешь мне, чтобы у меня появилось содержание для письма и чтобы я прочел возможно более длинное твое письмо. Береги, мой Тирон, здоровье. Ты не можешь сделать ничего более приятного мне, чем это» (Cic. Fam. XVI. 22. 2. Марку Туллию Тирону, в Рим.).

К Цезарю, не спешащему пока приезжать в Рим, Марк Брут выехал в начале августа. Цезарь с живейшим удовольствием смотрел «на самого Брута, умножившего его славу [образцовым наместничеством в Цисальпийской Галлии] и доставлявшего ему радость своим обществом»⁸⁰³, т.е. большую часть времени они провели в беседах тет-а-тет. Вскоре Брут вернулся обратно в Рим⁸⁰⁴ и поделился с Цицероном своим впечатлением, будто Цезарь твердо намерен придерживаться республиканского образа правления⁸⁰⁵.

Сенаторы, вероятно уже в августе⁸⁰⁶, поспешили удостоить Цезаря невиданными ранее почестями, за которые ратовали как его сторонники, так и противники. Последние руководствовались тем, чтобы непомерным возвеличиванием озлобить народ против Цезаря⁸⁰⁷. В честь победы в Испании было назначено пятидесятидневное благодарственное молебствие⁸⁰⁸. Сенат объявил Цезаря «Освободителем», удостоил его пожизненным и передаваемым по наследству титулом императора, с правом использовать этот титул как часть своего собственного имени. За государственный счет началось строительство храма Свободы, а также дома Цезаря на Палатине. Дни военных побед Цезаря были объявлены праздничными⁸⁰⁹. Цезарь был также уполномочен на управление финансами и теперь никто не имел права распоряжаться государственными средствами без его разрешения⁸¹⁰. Он мог предлагать народному собранию кандидатов

Астурская усадьба, 27 июля 45 г.); «Деметрий ко мне приехал; от его сопровождения я избавился достаточно умело. Ты, очевидно, не мог увидеться с ним. Он приедет завтра; следовательно, увидишься» (Cic. Fam. XVI. 17. 2. Марку Туллию Тирону, в Рим. Астурская усадьба, 29 июля 45 г.); «Отдай мне моего Деметрия и другое, если возможно что-нибудь хорошее» (Cic. Fam. XVI. 19. Марку Туллию Тирону, в Рим. Тускульская усадьба, начало августа 45 г.).

⁸⁰³ Plut. Brut. 6.

⁸⁰⁴ «Ведь он и приезжает не оттуда, откуда я бы предпочел [т.е. Брут приезжает из лагеря Цезаря, а не из лагеря врагов Цезаря], и не отсутствовал долго, и ни строки мне. Тем не менее хочу знать, каков был для него итог всей поездки» (Cic. Att. XIII. 39. 2. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Тускульская усадьба, 5 августа 45 г.).

⁸⁰⁵ «Так ли? Брут сообщает, что он [Цезарь] – к честным мужам? *Благая весть*. Но где они? Разве только он, пожалуй, повесится» (Cic. Att. XIII. 40. 1. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Тускульская усадьба, 7 или 8 августа 45 г.).

⁸⁰⁶ «Лепид вчера вечером прислал мне письмо из Анция (он был там); ведь он владеет домом, который я продал. Он настоятельно просит меня быть в календы в сенате: я сделаю очень приятное и ему и Цезарю» (Cic. Att. XIII. 47b. 1. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Астурская усадьба, 30 июля 45 г.).

⁸⁰⁷ «По предложению Цицерона, сенат назначил ему почести, которые еще оставались в пределах человеческого величия, но другие наперебой предлагали чрезмерные почести, неуместность которых привела к тому, что Цезарь сделался неприятен и ненавистен даже самым благонамеренным людям. Ненавистники Цезаря, как думают, не меньше его льстецов помогали принимать эти решения, чтобы было как можно больше предлогов к недовольству и чтобы их обвинения казались вполне обоснованными. В остальном же Цезарь по окончании гражданских войн держал себя безупречно» (Plut. Caes. 57); «Цезарь, как бесхитростный по характеру и малоопытный в искусстве политики, поскольку преимущественно вел войны на чужбине, легко поддавался на почести, непрерывно присуждавшиеся ему одна за другой, причем людьми не только искренне желавшими его прославить, но и такими, которые со злым умыслом преувеличивали его заслуги и распространяли слухи в народе, чтобы вызвать у него зависть и подозрительность. Цезарь же, естественно, принимал все эти почести, как выражение восхищения, а не как злые козни» (Nic. Dam. Aug. 67).

⁸⁰⁸ Dio. XLIII. 42.

⁸⁰⁹ Dio. XLIII. 44.

⁸¹⁰ Dio. XLIII. 45.

для избрания в магистратуры, объявлять набор⁸¹¹. Ему было разрешено появляться на всех играх и при жертвоприношениях в одеянии триумфатора. Для занятий государственными делами ему были установлены сиденья из слоновой кости и золота. Специальным декретом сенат также удовлетворил просьбу Цезаря, жаловавшегося, что его безобразная лысина навлекает насмешки недоброжелателей, предоставив ему право постоянно носить лавровый венок⁸¹². Кроме этого, ему было разрешено носить высокие красные сапоги, которые, по преданию, носили альбанские цари⁸¹³. Очередная статуя Цезаря была установлена на Капитолии рядом со статуями царей Рима⁸¹⁴. В этой связи Дион Кассий замечает: «Здесь я поражаюсь совпадению: было всего восемь таких статуй – семь царям и одна, восьмая, Бруту, который сверг Тарквиния, и именно около последней из них и была установлена статуя Цезаря; несомненно, это стало основной причиной, подтолкнувшей другого Брута составить заговор против него»⁸¹⁵...

Некоторыми из предоставленных почестей, таких как пожизненный титул императора, право носить одеяние триумфатора, лавровый венок, Цезарь воспользовался сразу, тогда как с другими – повременил⁸¹⁶.

Встречать возвращавшегося из похода Цезаря далеко вперед из Рима выехало множество влиятельных, знатных и простых граждан. На протяжении всего пути по Италии **рядом с едущим на колеснице Цезарем стоял Марк Антоний**, к которому перейдут полученные от Помпея Великого реальные власть, могущество и ответственность Цезаря с целью обеспечить установление в Риме устойчивого единовластия, **позади – Децим Юний Брут Альбин**, которому предстояло стать одним из видных главарей заговорщиков и убийц Цезаря, а затем сыграть роль ключевого противовеса в приведении наследника Цезаря к консульству, **и юный Гай Октавий** – со временем он будет приведен к единоличной власти в Риме⁸¹⁷. Те, кто видел последний раз Цезаря год назад, когда он покидал Рим, должно быть, сильно поразились произошедшей с ним перемене – лицо его стало более угловатым, он выглядел очень постаревшим и сильно сдавшим, словно после тяжелой продолжительной болезни*, в его пронизательном взгляде уже не было прежнего блеска – скорее – когда он ни на кого не смотрел – в нем можно было бы уловить уже усталую обреченность... Из тех, кто ехал в главной

⁸¹¹ Dio. XLIII. 45.

⁸¹² App. II. 106. Dio. XLIII. 43; Suet. Caes. 45.

⁸¹³ Dio. XLIII. 43.

⁸¹⁴ Dio. XLIII. 45; Suet. Caes. 76.

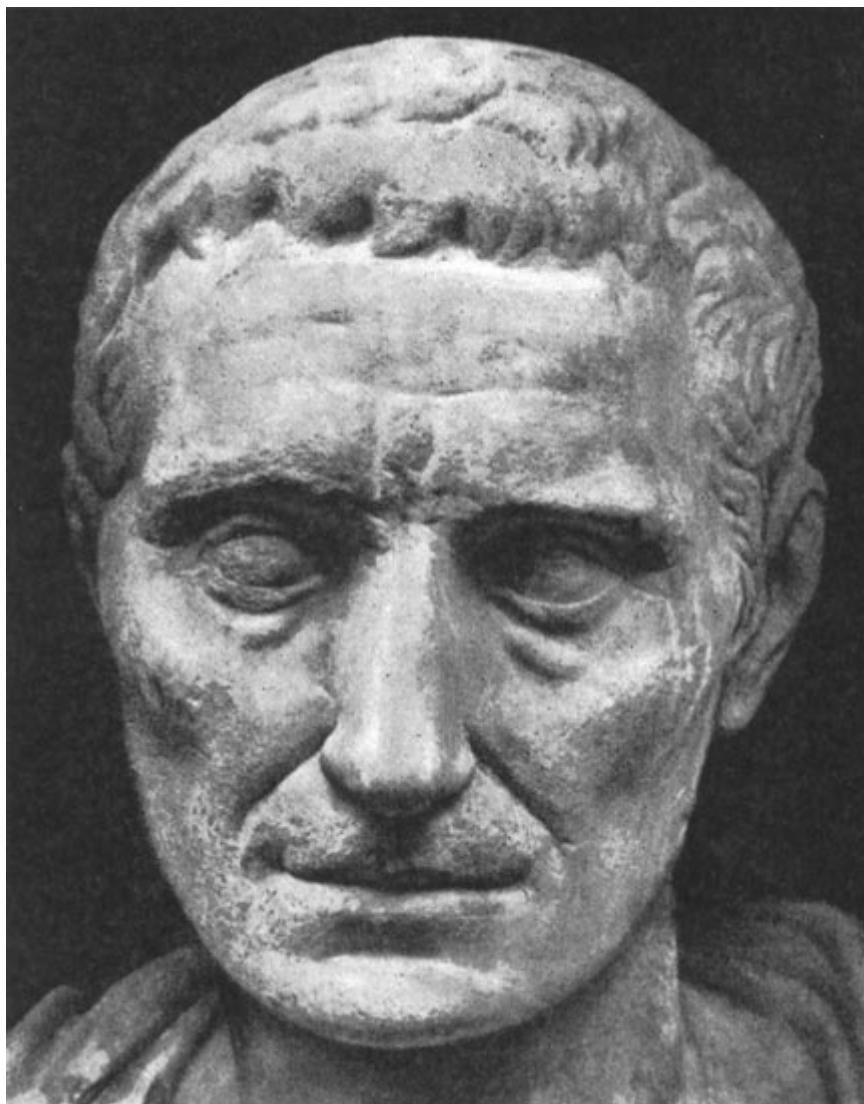
⁸¹⁵ Dio. XLIII. 45. Вероятно, в это же время Марк Брут опубликовал, причем «издал, словно он ее произнес», хотя тогда, когда рассматривалось дело, он находился со своим тестем в Киликии, текст своей речи в защиту Милона, привлеченного, напомним, в 52 г. Помпеем к суду по обвинению в убийстве Публия Клодия. Лейтмотив написанной речи сводился к тому, что «убить Клодия [отметим, дяди тогдашней жены Брута Клавдии] было заслугой перед государством», т.е. внесудебная расправа над римским гражданином в интересах государства признавалась Марком Брутом оправданной. Ascon. Milon. 30.

⁸¹⁶ Dio. XLIII. 46; Suet. Caes. 45.

⁸¹⁷ Plut. Ant. 11.

* «...эпилепсии и конвульсий, которым он [Цезарь] часто внезапно, особенно во время отсутствия деятельности, подвергался» (App. II. 110).

колеснице – один будет убит в результате заговора, другой – обезглавлен, третий покончит с собой и лишь одному из них будет суждено умереть собственной смертью в преклонном возрасте...

Портрет Юлия Цезаря.
Мрамор. Ок. 40 г. до н. э.
Рим, Музей Торлония.

«Достоверных прижизненных изображений его мы не знаем, хотя из сообщений античных авторов известно, что статуи Цезаря воздвигались при его жизни. [...] Древнейшим, исполненным вскоре после его смерти, следовательно, около 40 года до н.э., считается превосходный портрет в музее Торлония в Риме. Цезарь изображен не как божественный Юлий, великий полководец и государственный деятель, каким мы его видим на других портретах, но как простой человек последних дней жизни, усталый и постаревший, утомленный непрестанными государственными заботами, исполненный какого-то внутреннего беспокойства и печали. В то же время лицо этого человека незаурядно, в нем ощущаются сдержанная сила и глубокий ум. [...] Внимательно переданные внешние черты посмертного портрета Цезаря – подчеркнутые скулы, впалые щеки и набухшие мешки под глазами – вполне соответствуют характеру позднееспубликанского портрета. Голова Цезаря из музея Торлония – один из самых поздних и в то же время наиболее выразительных портретов предавгустовского периода» (Бритова Н.Н., Лосева Н.М., Сидорова Н.А. Римский скульптурный портрет. М. 1975. с. 24-25, илл. 26).

13 сентября 45 г. в своем Лавиканском поместье (в Лации, вблизи Тускула) Цезарь составил и утвердил завещание, которое передал на хранение весталкам⁸¹⁸ – после его убийства именно оно вытолкнет на авансцену римской политики девятнадцатилетнего Гая Октавия – будущего правителя Рима – Императора Цезаря Августа.

Сразу после этого, оставив Цезаря, Гай Октавий поспешил отправиться в Рим, чтобы повидаться с матерью⁸¹⁹. На Яникуле, недалеко от города, ему повстречалась большая толпа ведомая... (!) выдававшим себя за внука Гая Мария молодым ветеринаром-вольноотпущенником Амацием (или Герофилом), который после обращения с письмом к Цицерону, не теряя зря времени, обежал всех родственников Цезаря, чтобы они засвидетельствовали его родство – только Атию, мать Гая Октавия, и ее сестру ему не удалось убедить дать ложные показания относительно него. Окружив теперь Гая Октавия толпой, Амаций вплотную подошел и осторожно попытался завести с ним разговор как со своим родственником. Его спутники также хлопотали за него, будучи убежденными, что он внук знаменитого консула Гая Мария⁸²⁰. По растерянному виду юноши можно было заключить, что он оказался в большом затруднении и не знает, как поступить: «Ему было тяжело встретить, как родного, человека, о котором он не знал даже, откуда он явился, да и мать его не поддерживала этого родства. С другой стороны, ему как человеку весьма совестливому было трудно оттолкнуть от себя этого юношу, а вместе с ним и большую толпу граждан». Поразмыслив, он все же слегка отстранил Амация и сказал, что «главою их рода является Юлий Цезарь, он же первое лицо в отечестве и верховный правитель всей Римской державы; к нему следует обратиться и ему доказать своё родство. Если Марий докажет это Цезарю, то они и все остальные сородичи сейчас же примкнут к решению. В противном случае у них с ним не может быть ничего общего. Но пока Цезарь об этом не знает, незачем обращаться к Октавиану и просить его по-родственному о каких-либо правах»⁸²¹. Самозванец и его спутники бурно восхитились столь похвальными здравыми и уважительными рассуждениями и проводили Гая Октавия в Рим до самого дома⁸²².

Предпочитая все больше беседовать о чем-то со своей матерью и отчимом Филиппом, в городе Гай Октавий очень мало времени проводил со своими сверстниками⁸²³. Судя по отсутствию упоминания в источниках, в Риме Гай Октавий редко будет появляться с Цезарем на людях...

В начале октября Цезарь вернулся в Рим⁸²⁴, встречавший его торжественно и с тревогой. Одним из первых его решений по возвращении

⁸¹⁸ Suet. Caes. 83.

⁸¹⁹ Nic. Dam. Aug. 31, 37.

⁸²⁰ Nic. Dam. Aug. 32.

⁸²¹ Nic. Dam. Aug. 33.

⁸²² Nic. Dam. Aug. 33.

⁸²³ Nic. Dam. Aug. 34, 36.

⁸²⁴ Vell. II. 56. 3.

стало досрочное сложение с себя полномочий консула без коллеги. На оставшиеся до конца года три месяца консулами были назначены Квинт Фабий Максим и Гай Требоний⁸²⁵. Столь беспрецедентная мера (Цезарь первым сократил срок консульской власти до нескольких месяцев, так что в течение года стало сменяться две и более пары консулов (консулы-суффекты, «заместители»): впоследствии эта практика стала обычной, но поначалу суффектов отказывались считать «настоящими консулами») была воспринята римлянами крайне негативно. Когда Квинт Максим входил в театр, и ликтор, согласно обычаю, предложил всем приветствовать его, то отовсюду раздались крики: «Это не консул!»⁸²⁶.

В честь победы над сыновьями Помпея в Испании Цезарь справил (пятый) триумф⁸²⁷. Украшенное отполированным серебром⁸²⁸ яркое, но гнетущее сознание римлян действие было встречено в народе с крайним огорчением и недовольством⁸²⁹. Когда, проезжая в триумфе мимо трибунских мест, Цезарь увидел, что один из народных трибунов, Понтий Аквила, не встал перед ним, то он пришел в такое негодование, что гневно воскликнул со своей колесницы: «Не вернуть ли тебе и республику, Аквила, народный трибун?»⁸³⁰ Данное после испанского триумфа всенародное пиршество Цезарь счел скудным и недостойным его щедрости. Поэтому через четыре дня он дал второй, неслыханно богатый, пир⁸³¹.

Своим легатам Фабию Максиму и Квинту Педию, словно в насмешку над сенатом и римлянами, Цезарь позволил также справить собственные триумфы за испанские победы, к которым они, собственно, не имели особого отношения, соответственно, 13 октября и 13 декабря 45 г.⁸³²

Вскоре после триумфа Цезаря возобновилось прерванное годом ранее выведение колоний, для чего были сформированы новые земельные комиссии⁸³³.

В ноябре Цезарь объявил о планах совершить большой поход «на гетов и парфян, сперва на гетов, племя суровое, воинственное и обитавшее по соседству, а затем на парфян, чтобы отомстить им за нарушение мирного

⁸²⁵ Cic. Fam. VII. 30. 1. Манию Курию, в Патры. Рим, январь 44 г.; Dio. XLIII. 46; Plut. Caes. 58; Suet. Caes. 80.

⁸²⁶ Suet. Caes. 80.

⁸²⁷ Liv. Per. 116; Suet. Caes. 37.

⁸²⁸ Vell. II. 56. 2.

⁸²⁹ «Отпразднованный по случаю победы [в Испании] триумф, как ничто другое, огорчил римлян. Негоже было Цезарю справлять триумф над несчастиями отечества, гордиться тем, чему оправданием перед богами и людьми могла служить одна лишь необходимость. Ведь Цезарь победил не чужеземных вождей и не варварских царей, но уничтожил детей и род человека, знаменитейшего среди римлян, попавшего в несчастье. Вдобавок, прежде сам Цезарь ни через посланцев, ни письменно не сообщал о своих победах в гражданских войнах, но стыдился такой славы» (Plut. Caes. 56).

⁸³⁰ После этого, давая кому-нибудь какое-либо обещание, Цезарь часто будет язвительно оговаривать: «если Понтию Авиле это будет благоугодно» (Suet. Caes. 78).

⁸³¹ Suet. Caes. 38; Вино подавалось впервые четырех сортов, дорогих рыб мурен было подано 6 000 (Plin. IX. 171; XIV. 97).

⁸³² Acta triumph. Cap. 709; CIL I² p. 179; Dio. XLIII. 42.

⁸³³ Cic. Fam. XIII. 4; 5. Квинту Валерию Орке. Рим, осень 45 г.; Fam. XIII. 7. Гаю Клувию. Рим, осень 45 г.; Fam. XIII. 8. 2. Марку Рутилию. Рим, осень 45 г.; Dio. XLIII. 47, 50; Plut. Caes. 57; Suet. Caes. 81.

договора с Крассом»⁸³⁴, и отдал приказ о мобилизации для последующей переправки через Ионическое море в Македонию 16 легионов и 10 тысяч конницы⁸³⁵. В ранге начальника конницы Гай Октавий со своими друзьями-ровесниками, представителями сословия всадников Сальвидиеном Руфом и Марком Випсанием Агриппой отбыл в Апполонию на противоположном берегу Ионийского моря, куда из Италии отправлялись легионы для, как было заявлено, предстоявшего похода в Парфию⁸³⁶. В Апполонии юноша, ожидая Цезаря, занимался науками⁸³⁷, усиленно обучался военному делу – «в обучении его принимали участие прибывшие из Македонии эскадры всадников; командиры войска посещали его часто как родственника Цезаря. Благодаря этому его знало и любило войско, и он принимал всех милостиво»⁸³⁸.

Прибывший в Рим внук галатского царя Дейотара обвинил своего деда в заговоре против Цезаря во время пребывания последнего в Галатии в 47 г.⁸³⁹ Инициирование суда против Дейотара выглядело тем более странным, что, как сообщалось, Цезарь в 47 г. вроде бы уже рассмотрел это дело и тогда же вынес наказание царю в виде лишения его некоторых земель в пользу Митридата Пергамского и Ариобарзана, царя Каппадокии⁸⁴⁰. Тем не менее, Цицерон, который в свое наместничество в Киликии пользовался услугами царя Галатии, взял на себя перед Цезарем роль заступника за Дейотара⁸⁴¹. Цезарь, однако, решил сначала рассмотреть дело Лигария, который будучи легатом в Африке отказался во время гражданской войны впустить в провинцию назначенного наместником республиканца Луция Элия Туберона, объединив свои силы с помпейцем Публием Аттием Варом, и теперь заочно (после войны Цезарь не разрешил ему вернуться на родину, приказав оставаться в Африке в изгнании) обвинялся Тубероном в грозящей смертной казнью государственной измене: соотрудничестве с царем Юбой, который вел себя в Африке не как союзник, а как повелитель; казни римских пленников, чеканке от своего имени римской монеты и желании заполучить в управление провинцию Африка.

Обвинительный приговор никого не удивил бы, потому что, формально, Лигарий считался врагом судьи. Цицерон изъявил желание высказаться в защиту обвиняемого. Нарушив размеренный ход слушания, Цезарь, обернувшись, сказал приближенным: «Почему бы и не послушать Цицерона после такого долгого перерыва? Тем более, что дело это уже решенное: Лигарий – негодяй и мой враг»⁸⁴². Оратор живо откликнулся и

⁸³⁴ App. II. 110.

⁸³⁵ App. II. 110.

⁸³⁶ App. III. 9; Suet. Aug. 94; Vell. II. 59. 5.

⁸³⁷ Plut. Brut. 22.

⁸³⁸ App. III. 9.

⁸³⁹ Cic. Fam. IX. 12. 2. Публию Корнелию Долабелле. Помпейская или формийская усадьба, около 17 декабря 45 г.

⁸⁴⁰ Cic. Div. II. 79; Phil. II. 94.

⁸⁴¹ Cic. Phil. II. 95.

⁸⁴² Plut. Cic. 39.

произнес речь в защиту Лигария⁸⁴³, о которой стали говорить, что своим красноречием Цицерон заставил Цезаря полностью простить своего врага: «Но Цицерон с первых же слов взволновал своих слушателей до глубины души; речь текла все дальше, на редкость прекрасная, поражающая силою страсти и разнообразием ее оттенков, и Цезарь, часто меняясь в лице, выдал противоречивые чувства, которые им завладели, а под конец, когда оратор заговорил о Фарсале, вздрогнул всем телом в совершеннейшем расстройстве и выронил из рук какие-то записи. Сломленный, он был вынужден простить Лигарию его вину»⁸⁴⁴. Таким образом, Лигарий получил право вернуться на родину, а к Цицерону вернулось давно подзабытое чувство возможности влиять на события своим словом и красноречием.

Когда в середине ноября⁸⁴⁵ Цезарь приступил к рассмотрению дела Дейотара, оратор, как мы уже говорили, решил выступить и защитником галатского царя. Однако, эта речь⁸⁴⁶ отнюдь не стала причиной оправдания Дейотара – Цезарь признал царя виновным и в наказание вынес решение о лишении его царства и назначении крупного денежного штрафа⁸⁴⁷.

Несмотря на реальный приговор, суд над Дейотаром, на наш взгляд, был от начала и до конца постановочным... пройдет чуть более месяца после убийства Цезаря, как Дейотар самовольно возвратит себе царскую власть и, кроме этого, будет также восстановлен Марком Антонием в своем царстве на основании оставленного Цезарем проекта «Юлиева закона о восстановлении Дейотара в правах»⁸⁴⁸. Во время слушаний Цезарь сообщил, что в Никее в 47

⁸⁴³ Cic. pro Ligar.

⁸⁴⁴ Plut. Cic. 39. Хотя... «Если судить об этой речи Цицерона по тому тексту, который был опубликован и дошел до нас, то трудно понять, в чем заключалось ее столь неотразимое действие. Речь составлена весьма искусно, содержит немало комплиментов Цезарю и обращений к его доброте и мягкосердечию (*dementia et beneficia*), но общее впечатление, производимое речью, Плутарх явно преувеличивает» (Утченко С.Л. Цицерон и его время. М. 1986. с.242-243).

⁸⁴⁵ Cic. Fam. IX. 12. 2. Публию Корнелию Долабелле. Помпейская или формийская усадьба, около 17 декабря 45 г.

⁸⁴⁶ Cic. pro Deiot.

⁸⁴⁷ Cic. Phil. II. 95.

⁸⁴⁸ «Но вот Антоний, взяв большие деньги, вывесил закон, проведенный диктатором через комиции, по которому сицилийцы – римские граждане. Об этом при жизни того никакого упоминания. Как? Дело нашего Дейотара не такое же? Он достоин всякого царства, но не через Фульвию. Шестьсот подобных дел» (Cic. Att. XIV. 12. 1. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Путеевская усадьба, 22 апреля 44 г.); «Правда, невозможно перечислить все те распоряжения, которые покупались у твоих [Марк Антоний] близких не без твоего ведома, но особенно бросается в глаза одно – решение насчет царя Дейотара, лучшего друга римского народа; доска с записью была водружена в Капитолии; когда она была выставлена, не было человека, который бы при всей своей скорби мог удержаться от смеха. В самом деле, был ли кто-нибудь кому-либо большим недругом, чем Дейотару Цезарь, недругом в такой же мере, как нашему сословию, как всадническому, как массаициям, как всем тем, кому, как он понимал, дорого государство римского народа? Так вот, царь Дейотар, который – ни лично, ни заочно – не добился от Цезаря при его жизни ни справедливого, ни доброго отношения к себе, теперь вдруг, после его смерти, осыпан его милостями. Цезарь, находясь на месте, привлек своего гостеприимца к ответу, установил размер пени, потребовал уплаты денег, назначил в его тетрархию одного из своих спутников-греков [Митридата Пергамского], отнял у него Армению, предоставленную ему сенатом. Все то, что он при своей жизни отобрал, он возвращает посмертно. И в каких выражениях! Он то признает это справедливым, то не признает справедливым. Удивительное хитросплетение слов! Но Цезарь – ведь я всегда заступался перед ним за Дейотара в его отсутствие – не признавал справедливой ни одной моей просьбы в пользу царя. Письменное обязательство на 10 миллионов сестерциев составили при участии послов, людей честных, но боязливых и неискусенных, составили, не узнав ни моего мнения, ни мнения других гостеприимцев царя, на женской половине дома, в месте, где очень многое поступало и поступает в продажу. Советую тебе подумать, что тебе делать на

г. Марк Брут произнес убедительную речь в защиту царя и «он [Брут] говорил очень настойчиво и свободно»⁸⁴⁹, что тогда пришлось смягчить приговор и сохранить Дейотару жизнь. В связи с этим Цезарь неоднократно в задумчивости говорил, что, оказывается, еще когда он впервые услышал речь Брута, то сказал, обращаясь к друзьям: «Я не знаю, чего желает этот юноша, но чего бы он ни желал, желание его неукротимо»⁸⁵⁰.

Общий посыл суда над Дейотаром и многозначительным воспоминанием речи Брута, кстати, посредственной⁸⁵¹, сводился к тому, что уже в 47 г. одержимый республиканизмом Марк Брут считал для себя должным защищать человека, намеревавшегося убить Цезаря, пускай и признанный виновным был царь, но зато какой – в гражданскую войну этот монарх встал на сторону Помпея и сражался, вроде как, за республику⁸⁵².

Иллирийцы, тем временем, прослышав, что по их землях пролегает предполагаемый поход Цезаря, прислали в Рим посольство с просьбой простить их прежние прегрешения и предложением дружбы и союза, хвалясь при этой силе своего племени. Цезарь, однако, ответил им с большим достоинством, что "он не может сделать друзьями тех, которые позволили себе такие поступки, но что он их простит, если они будут платить подать и

основании этого письменного обязательства; ибо сам царь, по собственному почину, без всяких записей Цезаря, как только узнал о его гибели, с помощью Марса, благосклонного к нему, вернул себе свое. Умудренный человек, он знал, что если у кого-либо его имущество было отнято тиранном, то после убийства тиранна оно возвращалось тому, у кого было отнято, и что это всегда считалось законным» (Cic. Phil. II. 93-96).

⁸⁴⁹ Cic. Att. XIV. 1. 2. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Усадьба Гая Мация под Римом, 7 апреля 44 г.

⁸⁵⁰ Plut. Brut. 6; «По Цицерону, Цезарь сказал: «Очень важно, чего он [Брут] хочет, но чего бы он ни хотел, хочет он сильно» (Cic. Att. XIV. 1. 2. Титу Помпонию Аттику, в Рим. Усадьба Гая Мация под Римом, 7 апреля 44 г.).

⁸⁵¹ «Кто же читает речь Цезаря «В защиту Децидия Самнита» или речь Брута «В защиту царя Дейотара» и другие их ораторские произведения, отличающиеся той же медлительностью и вялостью, кроме тех, кто восхищается, пожалуй, и их стихами? Ведь они сочиняли также стихи и сдавали их на хранение в библиотеки; сочиняли не лучше Цицерона, но оказались удачливее его, ибо о том, что они их сочиняли, знает меньше народу» (Tac. Dial. 21).

⁸⁵² «Но что особенно прекрасно отличает его [царя Дейотара], так это то, что и после того как Цезарь лишил его тетрархии, царства, денег, он утверждает, что нисколько не раскаивается в своей вере в ауспиции, побудившие его принять сторону Помпея [Великого, во время гражданской войны]. Он говорит, что птицы дали ему хороший совет, потому что он, защищая с оружием в руках авторитет сената, свободу римского народа, достоинство государства римского, этим выполнил свой долг и остался верным Риму; в этом он видел большую для себя славу, чем если бы он сохранил все, что имел. Вот это, мне кажется, правильное отношение к авгуриям. А наши магистраты пользуются вынужденными ауспициями. Ибо необходимо, чтобы, когда курице подбросили пищу, у нее во время еды выпал кусочек изо рта. Поскольку же в ваших книгах записано, что и есть "tripudium solistimum", когда нечто из пищи падает на землю, то и то, что я назвал «вынужденным трипудием», вы объявляете благоприятным предзнаменованием. Таким образом, многие авгурии и многие ауспиции из-за пренебрежительного отношения к ним коллегии авгуров, на что жаловался еще мудрый Катон [Старший], оказались совершенно заброшенными и оставленными» (Cic. Div. I. 27, 28); «И уж совсем смехотворны твои уверения, будто Дейотар не сожалел о том, что доверился ауспициям, побудившим его последовать за Помпеем, потому что таким образом он, руководствуясь своей дружбой и преданностью римскому народу, выполнил свой долг, и эту славу он считал для себя предпочтительней, чем царская власть и все его владения. И я тоже так считаю. Но к ауспициям это не имеет никакого отношения. И не мог ему ворон накаркать, что он поступит правильно, если выступит в защиту Свободы римского народа. Сам он так чувствовал, так думал. Птицы же только предвещают или счастливые события, или несчастливые. А в случае с Дейотаром я вижу лишь ауспиций доблести, которая повелевает нам жертвовать своим благополучием ради выполнения долга верности» (Cic. Div. II. 78, 79).

дадут заложников". После того, как послы пообещали выполнить требование, с тремя легионами (?) и крупным отрядом конницы в Иллирию был послан Публий Ватиний, чтобы наложить на провинцию незначительную подать и получить заложников⁸⁵³.

В Апполонии Гай Октавий с Агриппой как-то отправились в башню к знаменитому местному математику-астрологу Феогену. Обратившийся первым Агриппа получил предсказание великого, до невероятности, будущего. Гай Октавий, стыдливо показывая опасение, что его судьба окажется ниже, решил о себе ничего не узнавать. Только после долгих уговоров, он нехотя и нерешительно назвал день и час своего рождения, услышав которые астролог Феоген «вскочил и благоговейно бросился к его [Гая Октавия] ногам»⁸⁵⁴.

Приблизительно в это же время рядом с Капуей ветеран-поселенец, получивший землю согласно закону Цезаря, подготавливая свой участок для возведения усадьбы, раскопал на нем древние могилы, в одной из которых по преданию был похоронен основатель Капуи, Капий. Содержание найденной там медной доски с надписью на греческом языке гласило: **«когда потревожен будет Капиев прах, тогда потомок его погибнет от руки сородичей, и будет отмщен великим по всей Италии кровопролитием»**⁸⁵⁵...

В Риме тем временем Цезарь начал на несколько лет вперед расставлять своих людей на должности под предлогом упорядочения текущих дел на время предполагаемого парфянского похода. Вместо городских префектов, управлявших Римом в виду отсутствия, из-за не проведения выборов, должностных лиц, Цезарь назначил четырнадцать преторов и сорок квесторов⁸⁵⁶. По вступлении в должность все магистраты присягали не противодействовать ничему тому, что постановил Цезарь⁸⁵⁷.

У римлян создавалось впечатление, что раздачей магистратур он расплачивается за оказанные ему сомнительные услуги⁸⁵⁸. Сразу же была предпринята попытка привлечь сложивших с себя полномочия префектов за то, что, превысив свои полномочия, они самовольно распоряжались государственной казной, однако Цезарь не допустил этого, представив обвинителям найденные откуда-то тексты давних законов, предоставлявших обвиняемым оспариваемые права в том случае, если они были назначены диктатором⁸⁵⁹.

⁸⁵³ App. Illyric. 13.

⁸⁵⁴ «С тех пор Август был настолько уверен в своей судьбе, что даже обнаружил свой гороскоп и отчеканил серебряную монету со знаком созвездия Козерога [в действительности Гай Октавий родился в сентябре, когда солнце находится в другом созвездии], под которым он был рожден» (Suet. Aug. 94).

⁸⁵⁵ Suet. Caes. 81.

⁸⁵⁶ Dio. XLIII. 47, 51; Plut. Caes. 58.

⁸⁵⁷ App. II. 106.

⁸⁵⁸ Dio. XLIII. 47.

⁸⁵⁹ Dio. XLIII. 48.